

16.04.41г. 17 лет

Я описала трагедию населения в блокадном Ленинграде. Я очевидец этой трагедии. Я сама её прочувствовала, сама её переживала

Л.А.Карпенко

Из дневника

1941 г. 22 июня (воскресенье)

Мне 17 лет. Я, с другом Иваном, рано утром, выехала на отдых в Петергоф. Там нас и застало известие о том, что началась война. Настроение у нас упало, и мы вернулись в Ленинград. Наша улица Комсомола заполнена людьми. В школе №5, где я училась, организован призывной пункт. Школа находится от нашего дома через дорогу. Окна нашей квартиры выходят на улицу, и я вижу, как колоннами на фронт идут ополченцы под марш «Прощание Славянки». Шли с утра до вечера несколько дней подряд. Мне запомнился дед с длинной седой бородой, шедший в первом ряду колонны. Энтузиазм был огромен. Из репродуктора звучали музыка и песни, только прерываясь правительственными сообщениями.

Иван, на второй день войны, ушел добровольцем. Он ушел не попрощавшись. Мама сказала, чтобы я не горевала, горя впереди будет много. Брат остался при заводе по брони. Работает на заводе «Г.О.М.З.». Хлеб начали выдавать по карточкам, а продуктов в магазине нет.

Я несла дежурство у ворот дома. Ко мне подошли сестра Люся с зятем Петром и сказали, что бежали от немца. Они жили под Кингисеппом, работали учителями и жили при школе.

Люся рассказала, как 22 июня, рано утром, услышала рокот машин, выглянула в окно и увидела машины с солдатами. Она разбудила Петра, Петр выглянул в окно и увидел на развивающемся флаге свастику. Немцы. Они не ожидали немца и растерялись. А немец уже въезжал во двор школы.

Наших солдат нигде не было. Доты и дзоты пустовали. Немцы вытащили из школы ученическую доску, написали на ней указатель и вынесли на дорогу. Двор заполнялся машинами. Немец спросил Петра: «Коммунист?» Пётр стоял, как вкопанный. Люся покачала головой, что нет. Немцы стали хозяйничать: порезали кур, поросёнка. Не разрешали Петру и Люсе выйти из дома. Ночью им удалось убежать в лес. Шли до Ленинграда пешком.

Вечером к нам на квартиру заявили двое в штатском, предъявив документы НКВД, увезли Люсю с Петром на черной легковой машине. Они сказа-

ли, что не надо брать вещи, они скоро вернутся, чтобы мы не беспокоились. Люся ушла в летнем платье. Они не вернулись.

Сестра Люся

19 лет

Август. Я выехала к реке Луге сооружать оборонительное укрепление. От нашего домоуправления поехало пять человек: я с девочкой и трое мальчиков. Брат сказал, что мол там бомбят, чтобы я ничего не набирала. Я с собой взяла детское байковое одеяльце, кружку, ложку, миску. Немец город ещё не бомбит. Он летает над городом, нам дают тревогу, но бомбёжки нет.

Ехали мы весело: пели, играли в карты, разговаривали, шутили. Над составом появился немецкий самолёт. Паровоз остановился и стал давать короткие гудки. Немец начал бомбить. Народ стал выскакивать из вагонов. Укрыться негде. Леса нет. По одну сторону полотна - мелкий кустарник, по другую - болото. Я с подругой отбежав от вагонов, присели под кустик, накрылись одеяльцем. Мы слышим грохот от разрывающихся бомб, крики, плач, стоны. Было жутко. Отчаянные голоса зовут на помощь. У нас зуб на зуб не попадает, мы как в лихорадке. Мы повторяем: «Господи, помилуй, Царица небесная!». Разбросав бомбы, самолёт удалился. Паровоз дал протяжные гудки отбоя. Когда мы сбросили с головы одеяльце, то перед нами открылась страшная картина: огромные воронки, искореженные и побитые вагоны, раненые и убитые. Люди снимали с себя рубашки, рвали на бинты и перевязывали раненых, которых забрала прибывшая дрезина. Повреждённые вагоны столкнули с рельсов, уцелевшие сцепили и состав пошёл дальше к фронту. Это первое моё боевое крещение. Уже не было ни шуток, ни песен - все были в напряжении.

День был жаркий. Искупаться в реке Луге нельзя. За другим берегом немцы. Я осмелела и зашла в воду. Надо мной пролетал немец, летел в сторону Ленинграда. Я побоялась, как бы он меня не обстрелял и нырнула под во-

ду. Нельзя жечь костров и носить белые платочки. Спим под открытым небом, воду пьем из болота. Кругом нас военные. Противотанковый ров роен вдоль реки шириной шесть метров и глубиной четыре метра. Во время работы немец летает над нами и обстреливает. Есть убитые и раненые. Во время бомбёжки состава мы растерялись с мальчиками.

8 сентября 1941г.

Прекратилось сухопутное сообщение Ленинграда с Большой землёй. Началась блокада города. В этот день была первая бомбёжка. Разбомбило Бадаевские продовольственные склады. Пожар был несколько дней. Урезали пайку хлеба.

Мы живём на Выборгской стороне, вокруг нас военные заводы, тюрьма «Кресты», Финляндский вокзал. Немец ежедневно бомбит и обстреливает по несколько раз. Бомбит в основном вечером, в определенное время. Люди спешат по домам, чтобы успеть до бомбежки. В темное время, сразу после объявления тревоги, в небе над заводами появляются осветительные зонтики, освещая заводы, и немец бомбит их. Говорят, что зонтики запускают ракетницами диверсанты. Я несу дежурство у ворот дома и у телефона в домоуправлении. Напротив нас госпиталь, хожу туда ухаживать за ранеными. С 10 час. вечера нельзя ходить по Ленинграду без ночного пропуска.

При бомбежке народ спускался в подвал дома – бомбоубежище. На всем протяжении подвала стоят деревянные подпорки. По нашей улице три дома 13, 15, 17 находятся в окружении заводов. Когда сбросят бомбу на завод, всем в убежище кажется, что на них рушится дом. Они бегут в другой конец подвала, а с того конца народ бежит им навстречу. Им кажется, что с их стороны рушится дом. Такое бомбоубежище не спасало, если бомба попадала в дом. Я только несколько раз была в бомбоубежище. При бомбежке ночью, я с мамой тоже не спускались в бомбоубежище. Открываем в комнате окна, чтобы стекла не вылетели. Наклеенная на стекло крест на крест бумага, стекло не спасало. Дом качает, а над заводами полыхает зарево. Мы ложимся в постель и просим: «Господи, Царица небесная, только мимо дома, только не в

дом». Однажды были услышаны. Бомба упала на тротуар возле наших окон, но не разорвалась. Утром саперы убрали. Бомба сделала только не-большую воронку.

Удивительно, что наши три дома в окружении заводов не были разрушены. Только при обстреле снаряд попал в стену заднего флигеля нашего дома. Стена глухая выходит на завод «Прогресс». Еще бомба угодила во двор дома №17, сделав большую воронку. Взрывной волной разделило на две части верхний этаж одного флигеля.

Уходя на работу, мама наказывала, чтобы я из квартиры не выходила. Если дом разбомбят, то она будет знать, что я погибла. А так будет переживать, где я. Еще звучит тревога, а немец уже над городом. Откроешь форточку и слышишь его звук. Не сплошное «у», а толчками: «у-у-у». Звук особый, отличающийся от звука наших самолетов. Я сажусь между печкой и шкафом. Дом качает, но меня не так сотрясает. Или спускаюсь в парадный подъезд. Стою одна у распахнутых дверей, смотрю куда летит самолет. Если самолет уже над домом или пролетел, значит бомба в дом не попадет. Бомбы рвутся рядом – бомбят заводы, издается адский грохот и кажется дом рушится. Я съеживаюсь и голова моя уходит в плечи. Страшно.

Мне снились летящие на меня немецкие самолеты, а я от них спасаясь, бегала от одного дома к другому.

Октябрь.

В доме перекрытия и потолки деревянные. До войны крысы господствовали по всем этажам. Заглянешь в кухню, а они сидят на шкафчике на задних лапах, как кошки, такие были огромные. Кот Рыжик находился в комнате. А тут и кот потерялся и крысы ушли. В городе не стало бродячих собак, кошек и крыс.

У меня выкрали хлебные карточки за октябрь месяц, а при утере карточки не восстанавливали. До конца месяца оставалась неделя. Эту неделю мы живем на жмыхе. По кусочку жмыха мама приносит с работы каждый день. Жмыхом отоваривают крупяные талоны. Карточки разделены на тало-

ны, один талон по 10 грамм. Отоваривают только на производстве. Папа был столяром и у нас сохранился столярный клей. Мама растопила его и получился студень. Попробовав, я почувствовала, что у меня в-нутри все склеилось. Я не смогла его есть. Мама и брат ели. Откуда-то мама принесла муку со строительным песком. Я тоже не смогла ее есть. При обстреле погибла лошадь и брату досталось пол головы. Варили бульон.

Ноябрь.

Нам к празднику выдали по карточкам немного продуктов, а на рабочую еще бутылку кагора.

Говорят, что немец хотел ноябрьские праздники встретить парадом своих войск на площади Урицкого, но прорваться в город ему не удалось. Но он уже у Нарвских триумфальных ворот.

Мама работает на заводе «Красный Выборжец». В цехах светомаскировка. Проходя по цеху, упала в шахту лифта. Дверь в шахту была открыта, а лифт поднят. Пролежав на земле два часа, простыла. Она, в тяжелом состоянии, добралась до дома. В соседнем доме жил врач. Я со слезами упросила его прийти к нам и осмотреть маму. Люди слабели от недоедания: уже наступил голод. Врач был слаб, но пришел. У мамы воспаление легких. Пришел брат с завода проведать нас. Рабочие завода были переведены на казарменное положение. Валя сидел возле мамы и плакал. Я пошла в аптеку. В аптеке лекарств нет, только камфара.. В аптеке на полу умирал мужчина, он лежал с открытыми глазами, ладони сжаты в кулаки и прижаты к груди. Аптекарьша сказала, что помочь ему не смогут. У меня перехватило дыхание, как будто я сама умираю. Так в первый раз увидела, как умирают от голода. В ноябре были единичные случаи смерти от голода, жили старыми запасами сил, в основном умирали мужчины.

У нас были горчичники и горчица в порошке, бутылка кагора. Мы подняли маму с постели. Мама поправилась от болезни. На работу ходит пешком. А сил остается все меньше. Мама говорит, что рабочих на заводе становиться все меньше. Они умирают у станков, на пути домой или на работу.

Рабочие и служащие стали жить на производстве. Морозы до -20°C . В бомбоубежище уже никто не прятался: «Все равно завтра умрет от голода». Новые нормы выдачи хлеба. Рабочим по 300гр., всем остальным по 150гр. Хлеб наполовину с древесной корой. Были и перебои с хлебом. Отоваривали мукой по 70 гр. Говорили, что бомба попала в хлебозавод. Мукой отоваривали в магазине за Финляндским вокзалом. Выстояла большую очередь.

Вместо хлеба выдавали и соевые бобы, оставшиеся на конфетных фабриках. Немец бросал листовки: «Доедайте бобы и ложитесь в гробы».

Проходя мимо вокзала вижу, как в грузовик грузят замороженные трупы. Поезда не ходят, и люди из пригорода умирали на вокзале. Зал ожидания завален покойниками.

Декабрь.

На рабочую карточку стали выдавать по 250гр. хлеба, а всем остальным по 125гр., при том, что никакие другие продукты не выдавались.

От истощения народ падает на улице и умирает. Идет человек, упал, его никто не поднимет. Каждый сам еле живой. В квартирах умирают **СЕМЬЯМИ**. Кто может отвезти покойника на кладбище, заворачивал его «куклой» в про-

стынь и на санках отвозил. Ослабленные не могут везти покойника, умершие оставались лежать в квартирах. Бомбоубежище заваливалось покойниками.

Похороны.

С середины декабря бездействовал водопровод. Я ношу воду с реки Невы в трех литровом бидончике. Утром принесешь пайку хлеба, вскипятишь самовар и сразу съешь хлеб. Ждешь следующего дня. Вареву варить не с чего. Карточки крупяные не отоваривают.

Что бы заглушить голод, пьем много воды. Отекает лицо, руки, ноги. Десны краснеют, набухают и отделяются от зубов. Мама пробовала курить и мне предлагала. Говорила, что курение заглушает голод. Но я курить не стала. Дома живем все время в пальто и валенках. Иногда протапливали печь мебелью. Нет электричества. Освещаемся коптилкой. Движение городского транспорта остановлено. Трамвайные колеса вмерзли в рельсы, и вагоны застряли в сугробах снега.

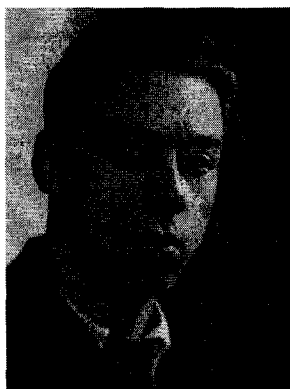
Сугробы, сугробы везде сугробы. Морозы крепчают, доходят до -30°C .

Январь 1942 г.

Город завален снегом. Стоят лютые морозы. Ни бомбежек, ни обстрелов. Тишина. Один стучит метроном. Город замер. Город умирал. Улицы пустынные, лишь единичные прохожие. Только сугробы и мертвецы. Их заносит снегом, а поверх появляются новые трупы. Лежат с широко открытыми глазами, ужас застыл в их глазах. Вернулся домой брат с оборонно – строительных работ. Пришел очень слабым. Он не смог вернуться на работу, не смог подняться с постели. У него открылся голодный понос. Он хотел дожидаться весны, чтобы ловить рыбу в Неве, но силы его покидали.

Февраль.

За три дня до смерти, брата осыпали светлые прозрачные вши большие и мелкие. Я меняла ему постельное белье и одежду, сжигала ее в печи. На утро все повторялось. Он был вновь осыпан вшами. Я смерила ему температуру. Температура - 34°C . Перед смертью он хотел кусочек хлеба, посыпанный сахаром. Дала попить отвар черники, но он уже не смог глотать.

Брат умер 10 февраля 1942 г. в 5 часов на 21 году жизни.

Валя. 5.03.1941г.

Смерть от голода самая страшная: человек слабеет, потом становится безразличным ко всему, равнодушен и к самому себе.

Мамы не было дома. Она находилась на заводе круглосуточно. Я очень переживаю смерть брата. Она больно отозвалась в моей душе. Я плакала, рыдала. Я кричала! Трудно пережить такую утрату. Дождавшись рассвета, я хотела сменить Вале одежду. Не со вшами же хоронить его. Но ни одной вши не было ни в постели, ни в белье. Откуда они появились и куда делись никто не смог мне объяснить. Такое явление было у многих умирающих блокадников.

Пошла в поликлинику за справкой о смерти брата. Поликлиника при больнице. Во дворе больницы огромная гора голых покойников. Сказали, что трупы лежат не вывезенные с декабря месяца.

У окон стоят раненые солдаты. Они соскабливают со стекол наледь, утоляя жажду. Кругом равнодушие и обреченность. Все покрыто мраком печали.

Врачам не разрешали указывать действительную причину смерти – от голода. Мне выдали справку, что брат умер от слабости сердца.

Простояла целый день в «ЗАГС»е, чтобы зарегистрировать смерть брата. «ЗАГС» не справлялся с работой, поэтому хоронить стали по спискам без регистрации смерти.

Я не хотела брата выбрасывать на улицу. Надела на него зимнее пальто, шапку, валенки, завернула в клеенку (куклой) и на санях повезла на Богословское кладбище. Кладбище очень далеко от нашего дома, за Кондратьевским проспектом.

Отъехав от дома, увидела около ПТУ (производственно – техническое училище) сани, запряженные лошадьёю. На них грузили мертвые тела учащихся. Это были все молоденькие мальчики.

Я попросила извозчика за пачку папирос подцепить к саням мои санки и шла за санями до самого кладбища. Я брата провожала.

Около кладбища построен деревянный навес с двухэтажный дом и под его крышу разгружают трупы. Меня послали в контору кладбища заплатить за место. На улице, перед воротами кладбища, на дорожках, на могилах, оставлены сотни покойников в гробах и без гробов. Я с трудом пробралась до

конторки, перешагивая трупы. У конторки тоже уйма покойников. Я заплатила 10 рублей и Валентина записали в журнал.

Велись массовые траншейные захоронения. Траншеи рылись шесть метров в ширину и шесть метров в глубину. В конторке на мой вопрос, что где будут хоронить, сказали, что хоронить некуда, что нет свободных траншей, что и песчаный карьер, возле кладбища, заполнен за пять дней. В нем захоронили 60 тысяч трупов.

Когда вернулась к навесу, брата на санях не было. Его забросили на кучу покойников и забросали вновь привезенными покойниками. Подъезжали машины и разгружались, только грохот стоял от замороженных тел. Я сказала: «Милый мой брат, я для тебя сделала все что могла». Сани забрала. Вернувшись с кладбища, с горя легла в постель. Вижу вокруг меня воду и слышу ясно голос Валентина: «Лиля! Лиля! Меня заливают! Меня заливают!». Я очнулась, но еще долго эхом звенел его голос в моих ушах. Соседка по квартире Нина Ивановна Копышева сказала, чтобы я перестала плакать, мои слезы его заливают.

Нина Ивановна
Копышева

Войска, которые обороняли Ленинград и находились во втором эшелоне, тоже умирали от голода. На крыше завода «Арсенал» стояли зенитки. Солдаты с этих позиций ходили с котелком за пищей мимо наших окон. Каждый солдат шел сам по себе. Их разделяло большое расстояние. Видела, как ослабевший солдат падал и оставался лежать. Другие солдаты проходили мимо него. Ему не оказывали помощь, так как они шли еле передвигая ноги.

Напротив нашего дома госпиталь. В нем раненые солдаты тоже умирали от голода. Во дворе покойники лежат огромными кучами.

Вышла утром на лестницу, а на ступеньках сидит дружинница. Я подошла, спросила, что не помочь ли ей, но она была мертва.

Идешь и видишь: один день лежит покойник, другой, а потом видишь его уже без ноги.

Зашел к нам переночевать рабочий с маминого завода. Он¹³ пригорода, а поезда не ходили. Он сказал, что ел студень, зная что он с человека.

Я пошла на завод «Г.О.М.З.» сообщить о смерти брата и получить его зарплату. На пути, поперек Арсенальной улицы, оборонительное укрепление из бревен. Обойти его было негде.

Залезла в отверстие укрепления, а вокруг темнота, лишь слабый свет пробивается через щели. Оглядевшись увидела, что нахожусь с замороженными мертвецами. Они лежали и стояли прислонившись к стене.

Я обмерла, но обратного хода нет. Перешагивая трупы дошла до отверстия, которое было в другом конце укрепления и выходило на другую сторону улицы.

Работницы бухгалтерии завода хорошо знали Валентина и очень хорошо отзывались о нем, очень сожалели о его смерти.

Обратно возвращалась другим путем, сделав большой круг.

Март.

Вернулась мама с завода. У нее по сыну не было слез, одна скорбь в глазах от безысходности. Она сказала, что начали жечь трупы в печи кирпичного завода.

Я принесла воды с р.Невы и согрела самовар. Рассказала, что встретила одноклассницу. Она сообщила о смерти одноклассниц Ларисы и Зины. И тут же сказала, что меня и черт не берет.

Попив кипятка, мне стало плохо, бросило в жар, открылся понос. Я ослабла, передвигаюсь держась за стол и стены. Мне даже не захотелось хлеба.

Мама вспомнила, что у нас есть полынные капли. Я попила их и желудок наладился. Очень жаль, что я про них не знала, что не смогла дать капли брату, что не смогла спасти его.

В самый лютый голод были и сытые люди. Говорили, что работники исполкомов, «НКВД», «Смольного» ели хлеб и сахар вволю.

К нам в квартиру поселили пышущую здоровьем молодую женщину. Она из пригорода, работает в заводской столовой. Берет меня с собой на ра-

боту сопровождающей, так как боится ходить одна, боится, что ее могут убить и съесть.

В столовой мне наливали миску супа. В супе крупинка гонялась за крупинкой, но все же был какой – то навар. Женщина помогла мне окрепнуть. Я с ней пошла в жилуправление. Она буханку хлеба дала работнику «ЖУ» и по-моему согласию, на нее переписали одну нашу комнату. Мне очень захотелось после болезни кисленького. Нина Ивановна навела мне кипяточку с лимонной кислотой.

В порядке трудовой повинности, всех, кто еще может двигаться, выгоняли на очитку двора, улицы от снега, трупов, появляющихся при таянии снега.

Я получила повестку от Ленгорисполкома, отпечатанной в типографии, в ней было написано, что если я не явлюсь, то буду привлечена к ответственности по закону военного времени.

Голодные и обессиленные люди работали, едва стоя на ногах.

Нина Ивановна устроила меня на свой завод «Прогресс». Я оформлена станочницей, но работаю на разборке завалов после бомбежек. Получаю по рабочей карточке 250гр. хлеба.

Пошла заказывать поминальную брату в Николо – Богоявленский собор. Пройдя Литейный мост, завыла серена. Начался обстрел. Немец вновь начал бомбить и обстреливать.

Иду под обстрелом. Страшно. Разрыв то впереди, то сзади, то где-то рядом. Я подумала, что иду в церковь, и бог защитит меня. Снаряд летел со свистом, но меня успели схватить за руку и затащить в подворотню дома. Снаряд не долетел до земли разорвался, разлетелись бесформенные железные осколки.

Иду по Литейному проспекту. Проспект чист: убран от снега, мусора, трупов. Встречаются единичные прохожие. В некоторых бывших кафе двери распахнуты. За столиками кафе люди пьют горячий кипяток.

У завода «Арсенал» заработал медицинский оздоровительный пункт. Была натянута армейская палатка. Кого туда ложили, не знаю. Вероятно ра-

бочих завода. Проходя мимо, видела, как от туда вышла медсестра в белом халате.

А возле пункта лежит кучка голых покойников. Люди продолжают умирать.

Апрель.

Прибавили пайку хлеба и стали отоваривать крупяные талоны, выдают крупы по несколько грамм. На талон дают гречки меньше, а пшена больше.

Мама не вернулась на завод. Сказала, что хочет выехать из города. Я не могу её отпустить одну. Оставить её тоже не могу. Если она помрет, я буду всю жизнь себя корить, что не вывезла. Стали народ вывозить в марте, апреле, когда в городе властвовала смерть.

Комнату с вещами и мебелью оставили открытой. Взяли вещи, которые я смогла увезти. Я везла вещи на санях по булыжнику мостовой и вела маму. День солнечный, кругом тает. Мама очень слаба. Выезжаем с Финляндского

вокзала. На вокзале получила по паспортам эвакуационное удостоверение. Эвакуировались 9 апреля 1942 г. Едем поездом в пассажирских вагонах. Едем до Ладоги.

Эвакуационное удостоверение.

На выгрузку дали 15 минут. Я вывела маму из вагона и вынесла чемодан. Посадив ее на чемодан, вернулась в вагон за другим чемоданом. За плечами у меня рюкзак. За мной в вагон зашел мужчина. Он предложил рюкзак передать маме, чтобы он мне не мешал. Я отдала ему. Вернувшись до мамы, рюк-

зака у нее нет. В нем были вещи первой необходимости и документы. Остались только при мне паспорта и эвакуодостоверение.

На берегу скопилось уйма народу. Для всех машин не хватает. В первую очередь вывозят тех, кто с детьми.

Построен большой сарай. В нем много людей. Они сидят и лежат на полу, ожидая очереди отправления. Вряд ли они дождутся, они наполовину умерли, а многие уже и умерли. О них некому позаботиться. На улице дует сильный ветер, холодно. Я завела в сарай маму и затащила вещи. Мне помогли учащиеся ремесленного училища.

Пошла искать машину. Упросила водителя забрать нас.

Пришла за мамой, а она не хочет идти, сказала, чтобы я её оставила и заботилась о себе. Я её уговорила идти. Усадила её на машину и туда же перетащила вещи. Едем в открытом кузове. Дует холодный ветер. Полупорка везет нас по тонкому апрельскому льду, среди черных промоин, по коридору «Смерти». Дорогой Жизни. Ладожский лед гнулся, как пластинка. Колеса машин наполовину в воде. Много машин утонуло. Нервы напряжены. Мама положила ко мне на колено голову и сказала, что поела бы горячей картошечки.

Прибыв в Кобону, мама не смогла самостоятельно слезть с машины. На берегу стоял большой деревянный дом. В нем находился медпункт. Был один медработник, но она никакой помощи маме не оказала.

Комната пуста. Стояло несколько железных коек и ни одного человека. Койки не заправлены бельем. Уложив маму на койку, пошла за питанием. Сутки, что были в пути, ничего не ели. Кормить стали только на этом берегу. Истощённые люди продолжают умирать. Кругом мертвецы. Уборкой трупов занимается армия. Солдаты грузили трупы в машину. Я проходила мимо и видела, как человек зашевелился, солдат солдату сказал, что человек живой, а в ответ: «Грузи, он все равно умрет». В стороне стояло их начальство. Они делали обход. Один из них сказал, что здесь больше мертвых, чем живых.

Обезумевшая от горя молодая женщина, с развивающимися седыми волосами, ползала по грязи возле своих троих детей и молила о помощи. Дети были уже мертвы.

Вернувшись с едой до мамы, стала кормить её с ложечки, но пища вытекала изо рта.

Я причитала: «Мама не умирай, мама не умирай! Не оставляй меня! Я ведь остаюсь одна!» Она смотрела на меня, но ничего не смогла сказать, только слезинки каплями катились по её щекам. Она скончалась от голода 10 апреля 1942 г. на 45 году жизни.

Ко мне подошла медсестра и спросила: «Есть ли у меня вещи?». Я сказала, что они на улице. Она послала меня до них и сказала, чтобы я их не оставляла, а то и здесь умрешь от голода. Я пошла. Вещи были целы, а когда вернулась, мамы на койке не было, её уже убрали. Мама похоронена в братской могиле с. Кобона.

Братская могила, где похоронена мама.
с. Кобана, Советским войскам и жителям Ленинграда
погибшим в 1941-1944гг. Фото 1983г.

С.Кобана. место, где была высадка Ленинградцев
с машин. Фото 1983г.

Я осталась одна. Осталась на улице, без крыши над головой.

Ночью ноги вмерзли в ледяную грязь. Застыла спина. Оглянулась. Прислонился ко мне мужчина, умер и уже застыл.

Что мне делать и куда ехать не знаю.

Решила ехать в г. Свердловск. Туда эвакуировали мамин завод. С Кобоны народ вывозили в товарных вагонах. Вагон, в котором я ехала, был забит вещами. Люди спали сидя на вещах. Я за старшую. Мне доверили эвакуиро-

стоверения. На стоянках нас по удостоверениям кормят. За едой хожу с помощниками. Кормят очень хорошо: хлеб, мясо. Однажды днем задремала. Что-то меня толкнуло. Я очнулась. Сунула руку в боковой карман пальто, а удостоверений нет. Я обомлела. Все останутся без питания. Меня растерзают. Передо мной сидит женщина. Была стоянка, когда она под села не видела. Подозрение пало на неё. Удостоверения она спрятала между чемоданами. Люди кричали, чтобы я её побила, но я не смогла. Женщина выскочила из вагона.

Во время следования народ продолжает умирать. Мертвецов выбрасывают на ходу поезда. Медпомощи никакой нет.

Я побоялась, что и меня это может постичь. Сошла в г. Череповце. На перроне, всех кто сошел зарегистрировали в эвакупункте, отвезли в баню, помыли, накормили. *Я носила работоргов в пошиваль.*

Р.С.Документ совершенной секретности.

Из доклада начальника Управления предприятиями коммунального обслуживания Ленинграда тов. Карпушенко, сделанный им на бюро Ленинградского горкома ВКП(б) в начале осени 1942 г.

15 марта 1942 г. в Ленинграде заработал невиданный в истории крематорий. Начали сжигать трупы в печах на предприятиях Ленинграда.

По неполным данным кладбищ, за период с 1 июля 1941 года по 1 июля 1942 года в городе только на кладбищах захоронен 1 миллион 93 тысячи 695 покойников, а ещё крематорий.

Заполнено братских могил протяженностью 20 км., - углубленных траншей 6 м. глубиной и 6 м. шириной. Это кроме захоронений на кладбищах.

Перед войной население Ленинграда насчитывало 3.200.000 человек. По переписи на 1 января 1944 г. в Ленинграде насчитывалось 560 тысяч жителей.

Газета Известия за 1994г.